

Дис
От опиума к смерти (потуги на аналитику)

(за идею и ценные расклады выражаю огромную благодарность Жеке)

В 1997 году на наркорынках Петербурга произошла революция. На смену старому, засидевшемуся на своем троне опиуму (королевская семья Ханка и Солома) из портовых контейнеров и непросмотренного багажа восточных людей пришел новый король — Героин.

Я хорошо помню то лето, лето 1997 года. Грамм ханки на рынке на улице Дыбенко стоил от 35 до 50 рублей, куб уксусного ангидрида — 10–15 рублей. Солома тоже была, но цен не помню, ибо дружил я тогда в основном с ханкой. Дыбенковский рынок, заповедник наркоторговли, сплошные кожаные куртки, небритость, золотые зубы и южный акцент. "Чиво ищешь, друг? Ханка нада? Хороший ханка, свежий, тока с дерева, вмажишься, дом рухнет, потом еще будишь искать, бери сразу больше...". На одного настоящего торговца хурмой и изюмом приходилось по два-три барыги. Взять можно все, были бы деньги. Если нет денег — на рынке тут же можешь продать вытащенный из дома телевизор, магнитофон, спортивный костюм, еду... Нечего продать? Шурши в поисках раскумарки, сшибай у метро рубли, помогай достать новичкам, кидай, клянчь, садись на хвоста... Редкие рейды ОМОНа, когда весь рынок кладут носом в грязь, и загоняют в автобус "на предмет выяснения...". Море торчков, всех возрастов и поколений — от старых опиошников с гладкими, как бы распухшими кистями рук без малейших следов вен до "розовых еще, не успевших сторчатся" пионеров, только вступающих на тропу торча. Окна квартир в большинстве прилегающих к рынку домов постоянно открыты и в летний день (или в ночь) несутся запахи ацетона, растворителя, ангидрида...

Утро. В переполненном торчками автобусе (его называли "кумарным автобусом") от "Ломоносовской" добираться до рынка,ходишь в любой из четырех входов, идешь сквозь шумные ряды к "своему" барыге, которого ты знаешь, и у которого берешь не первый день и уже не первый месяц. Вот и он, Карлен, золото-кожа-щетина. "Ай, Дис, гардаш, савсем плахой, да? Кумарит, да? Есть лаве?" Есть, Карлен, есть, иначе я б тебя не искал. Бери, тут на два с половиной грамма без 5 рублей, нормально? "Вай, Диска, абижаешь, какие такие пять рублей? Тебе как постоянному клиенту со скидкой, бери, да?". Три темно коричневых шарика, два побольше, один поменьше, туго замотанные целлофаном, переходят из рук Карлена ко мне. Спасибо, Карлен, завтра с утра заеду, ага? "Канешно, Диска, захади, если что — я во дворах". Три шага вперед — а вот и Гена, барыга ангидридом. Протягиваю пятикубовый баян и тридцать рублей. Из двадцатки в мой баян переливаются три куба кислого. Так... Последний штрих — тетя Люся, в неизменном зеленом пальто — торговка шприцами и димедролом. Люсь, мне две пятерки и две, нет, три платформы димедрола. "Бери, бери, родненький, удачи тебе, сынок...". Обратный путь сквозь ряды, отшивание пытающихся сесть на хвоста потеющих торчков с большими зрачками — извините, братва, такое дело — каждый выживает в одиночку, рад бы — но самому мало. Меня уже ощутимо кумарит, дозняк два грамма, последняя вмазка была вчера ночью. Ну ничего... Три минуты ходьбы от рынка по дворам, дабы не нарваться на экипажи мусоров, курсирующих по Крыленко, Дыбенко, Тельмана... Нужная парадная, последний этаж, железная дверь. Звонок. Хозяин хаты, Андрей, торчок с двадцатилетним стажем, с кухни доносится гомон, воняет уксусом. Варят... Привет, привет, проходи, скидавай обувь. Сразу рулю на кухню. О, знакомые все лица... Вадик "Сова", бывший певец из Двух Самолетов, Мишка Хохол, бандит курирующий торговлю ангидридом на "Ломоносовской", Серега, директор одного питерского модного клуба (и по сей день там работает). Всем привет, кружка свободна? "Вари, Дис, вари... Ты сегодня один? А где Алан?". Алан — мой приятель. Он меня свел с Андрюшей, он показал мне эту хату. А сегодня куда-то умчался что-то мутить и пробивать... (предаст и продаст меня и других

Алан много позже, и много позже он заразит ВИЧем 17-ти летнюю девочку...я этого пока не знаю).

Кружка, закопченная, обычная эмалированная кружка. Всегда она ассоциировалась с компотом в детском саду. Другой возраст, другие ассоциации...Аккуратно отлепить целофан от "фитюли" (именно так на питерском жаргоне называется развесная ханка, этот маленький комочек коричневой массы), ножом соскрести остатки опия с обертки. Дальше по технологии отработанной годами — в кружку, размазать тонким слоем, огонь, плоскогубцы, ангидрид, крышка, наклониться и поглядеть, проангидрировался ли опий, вода, фильтр от сигареты, выбранный раствор цвета крепкого чая слить в стопку, где лежит уже размолотый в пыль димедрол, перемешать, выбрать, и, утирая со лба абстинентный пот, вмазаться. Ух...Разлом...Нельзя описать как теплая волна с горячими иголочками проходит по телу, как моментально исчезает боль в ногах и спине, как проходит противный кумарный привкус во рту... "Андрюх, дай сигарету, ага, спасибо...". Ну что, Диса — поправился? А то, молодец Карлен, не надурил...И часы вялой дремы с сигаретой, лимонад, прожженная одежда, иногда — походы на рынок, походы за деньгами, походы на "дела", походы в отделение в сопровождении оперов...Так текла жизнь летом 1997 года. И меня все устраивало, честно. Ханка была, солома была, ангидрид был, была хата где всегда можно было сварить, деньги — да всегда находились, 100 рублей — не такая уж и большая сумма для квалифицированного переводчика, верно?

А потом на наркорынке Петербурга (по данным милицейских аналитиков — крупнейшем наркорынке Европы), расположенном на улице Дыбенко, произошла наркореволуция. В один день с прилавков пропала ханка, и солома пропала, и пропал ангидрид. Число азеров и прочих кавказцев резко уменьшилось. Появились незнакомые лица. И у всех барыг был только один товар. Героин. Ге-ро-ин. Онли. А ханки нет. Вчера была. По 35. А сегодня нет. Зато есть герыч. Сколько хошь.

Нет, героин был и до этого. Его легко можно было купить, к примеру, на площади Восстания, или на Сенной, да и на Дыбах им банчили. Но большинство завсегдатаев наркоточек и притонов предпочитали родные кустарно приготовленные опиаты. А героин уже тогда был синонимом слова "смерть". Передоза ханкой, соломой или готовым по тем временам была редкостью, кумары наступали неспешно, не в три дня, и двушка раствора ташила чуть ли не весь день. Да и стоили эти препараты недорого. В общем — держались мы от него как можно дальше, и героинщиков не жаловали. Героин считался (и назывался) говном, и к сожалению, именно с героина начинали свой наркушный путь молодые торчки. Естественно, это ведь так просто — не надо ехать на стремный рынок Дыбенко, не надо вымучивать ханку и кислое, опасаясь кидка или облавы, не надо искать место, где сварить, не надо искать человека, который сварит. А кто из начинающих торчать ребятишке мог сам сварить ту же ханку, не говоря о соломе? Да мало кто...Сложно это. Посему — новое поколение российских наркоманов решило не искать тяжелых путей. Все просто и примитивно. Достаточно купить чек белого порошка, развести его водой по вкусу и вмазаться. Вся процедура — меньше минуты. Место — где угодно, любая лестница или парадная. Не можешь вмазаться — нюхай. Не хочешь нюхать — кури. Не куришь — пей, жуй, коли в жопу. Простор для творчества огромен. А купить его тем летом было не проблемой — победное шествие герыча началось с окраин. "Пионерская". Ржевка. Проспект Ветеранов. В каждом дворе, почти в каждой высотке торговали герычем. Причем — разным. Розовый, оранжевый, коричневый, "настоящий белый из Голландии", метадон, серый, с барбитурой, с чем угодно. Выбирай. Травись. И цены — 50 рублей за маленький чек, "полташечный", 100 — за большой, "сотовый".

А мне герыч был не нужен. Не тот кайф, не мой. И прет не так, и прихода как от ханки или от "химии" нету, и отпускает быстро. Мне опий нужен. А на Дыбах его нету. Не стало. Как так?

А вот так. Мрачного вида ребяташки с короткими стрижками, плющенными носами и накачанной мускулатурой провели ряд воспитательных бесед с представителями кавказской общины, и какими-то методами убедили черных в том, что не надо больше опиум сырцом торговать, не стоит, а надо переходить на цивилизованную основу, благо конец двадцатого века на дворе, брать пример с западных коллег и торговать героином, который, кстати, именно эти ребята и их друзья готовы кавказцам и поставлять. За энную сумму. Кавказы покрутили носами, почесали щетину, пощелкали калькуляторами — и...согласились. А что? Дело-то выгодное. Подсадка на герыч — быстрее чем на опий, значит спрос будет расти постоянно. Места он занимает меньше, теперь не надо везти опий с южных республик всякими стремными путями, достаточно привезти в город небольшой сверточек, кило на несколько...А как привезти? Да просто...Питер — город портовый. Не есть проблема, при нормальном подходе к делу. В Афганистане кило герыча стоит гроши. Несколько штук зелени. А здесь кило герыча сколько потянет? Если в розницу? А если с грамма делать 12 чеков и продавать по 100 рублей? Ух...Выгодное дело, выгодное. И аудитория расширится, не все ж старых торчков травить ханьем, пора переключаться на новые сферы рынка...Много плюсов и ни одного минуса. Мусора? Добазаримся...Точки — да тот же рынок. За пару чекарей в день любой нарк будет сам торговать. В общем — решено. Кто не согласен — два шага вперед. Целься, пли!

Сказано — сделано. Нет опия, есть герыч. Везде. А опия нет нигде. А гордые кавказцы, что не захотели терять свой пробитый барыш от продаж ханья южного и соломы хохлятской отчего-то стали попадать под облавы, сроки ловить, и вообще житья им не стало... Точки ханочные и опиошные тоже под прессом ментовским оказались — никакой торговли нет, в общем — жопа полная. Волей-неволей, а пришлось всем заняться герычем.

Некоторое время пришлось шуршать и пробивать всяческого рода энтузиастов опийной наркомании, которые через третьи руки и не пойми через какие каналы таки добывали сырец и солому, но и эта малина скоро закончилась. Растительные опиаты окончательно исчезли из города. Дербаны не спасали положения — не особо и богата наша область папавером, да и жеде милиция бдила, и сезон короткий...Случилось то, что должно было случиться — все пересели на героин. С хрустом, с кумарами, с матюгами — но пришлось, через не хочу. Слышу вопросы — а отчего бы вам, граждане наркоманы, коль вы так не любили герыч, не перекумариться, раз уж выдалась такая возможность, и не забыть про торч? Хороший вопрос, в жилу...Могу ответить — многие не смогли переломаться, многие переломались, но потом, в силу своей зависимости (слаб человек, что тут делать) вернулись обратно, быть может некоторые ортодоксы и принципиальные торчки и завязали. Я не смог. Большинство моих знакомых тоже. Как говорится, попала собака в колесо, пищи, но беги. Вот и побежали. Почесываясь на ходу, и глядя вперед севшим в точку зраком. Чем этот бег закончился — даже говорить не буду. Достаточно посмотреть в окно, послушать криминальную сводку, да зайти в районный наркологический диспансер. Все очевидно. Революция свершилась. Героин рулит.

Вот вкратце то что случилось летом 1997 года. А сейчас я начну бредить. Исключительно мои домыслы, а может просто кривой сюжет для утопического рассказа. Вопросы — зачем надо было менять опий сырец и прочие соломы на герыч? Зачем надо было чуть ли не насильно насаждать герандос в массы? Зачем надо было закрывать точки с готовым (с точки зрения здоровья быть может и вредным, но от самодельных растворов отправилось в нижнюю тундру гораздо меньше народу, чем от "цивилизованного" герыча)? Почему сажаются в тюрягу торчки, а серьезные сбытчики ходят на свободе? Почему не закрываются каналы переброски говна в нашу страну? Финансовый интерес безусловно есть, но на мой неискушенный взгляд, интересы страны должны перевешивать любые финансовые суммы. Какой процент торчащей на герыче молодежи? Немерянный. Эдак года через три-четыре нормальных людей останется у нас крайне мало...

Сразу скажу — версия грубая, местами нелогичная, но мне просто лень расписывать все подробно, доказательств возможности ее существования по телевизору и в газетах публиковали много. Эдакая болванка, на скорую руку сметанная.

Пошла фантастика. Положим, появился в недрах некоей конторы супер засекреченной проект "Двадцать первый век без наркотиков". Году этак в 97. Когда на опийную наркоманию перестали закрывать глаза. Когда криминал попер из всех углов, когда малолетки за пару кубов драли серьги из ушей. Когда стало ясно — проблема есть. И ее надо решать. Господа опиошники — наиболее асоциальны и наиболее опасны в наших широтах. Именно из за опийных кумаров и совершались разбойные нападения, кражи, мокрухи...

Первая фаза проекта. Получите, господа наркоманы, новую игрушку. Героин. Метадон. Про белого китайца, от которого много моих знакомых отправилось на тот свет я вообще промолчу. Свойства данных веществ — подсадка быстро и надолго, технология получения раствора для в.в. инъекции понятна даже пятикласснику, передозировка проста и смертельна. Параллельно — получите-ка рекламку — "Криминальное Чтиво", "На Игле", и еще пара тройка "культовых фильмов". Торчат на герыче — круто. Ага, круто, баклан, точно, точно, пойдем за чеком. Кустарные — но менее опасные (менее менее. Большинство старых опиошников живут и до сих пор, плохо, но живут, а срок жизни героинового торчка — 3–4 года в лучшем случае, учитывая степень бодяги в герыче и незнание доз, которое ведет к передозировке) препараты — под запрет, под корень. Уничтожить и показательно наказать. Что и сделано. "Разгром питерской наркомафии", "Одиозный рынок закрыт!", "Нашим детям не грозит наркомания!". Про герыч — молчок. Кого-то посадили, закрыли пару лабораторий по производству галлюциногенов и фенаминов. А герыч... А что такое герыч?

Вторая фаза. Итак, по истечению какого-то времени (года два-три) формируется социальная группа. Героиновая наркомания. Порядка 80 процентов молодежи вовлечены в грандиозную акцию по очистке просторов родины от человеческого мусора. Герыча хотите? Чтож, получите. Тока не герыч, а китаец, белый. Синтетика, мощнее героина раз в десять. Цена — дешевле в десять раз. Именно в 1999–2000 годах появился он у нас. На вид — не отличишь. Все точки — завалены им. Приходит эдакий торчезозник, с дозничком в четверть, на кумарах к барыге. А у барыги нет говна, а есть китаец. Типа очень мощная вещь, много не ставь. А стоит столько же. Торчезозник берет свою дозничковую четверть, варит и думает — ну да, мощное говно, значит не только подснимет, но и разопрет. И — контроль, гонит, и ...догнать не успевает. Немудрено — вместо четверти в героиновом эквиваленте засадил он себе эдак грамм несколько. Минус один. И так по всему городу. Нет герыча. Нету! Китаец. А некоторые барыги (которых, кстати и не сажают особо), даже и не говорят о китайце... Есть герыч? Есть... Дай четверть! На... И до свидания. See you in hell... Проходит полгода-год. И что мы видим — всякого рода жадные до кайфа торчки, тупые и недалекие — уже на кладбище. Передоза, неосторожно как, а? Родители плачут и требуют покарать. Рано еще карать, еще не время.

Фаза третья, подготовительная. Прознав про такую жопу, граждане наркоманы стали проявлять озабоченность своей жизнью и своим здоровьем. Ищут герыч. А его найти ой как сложно... И цены выросли... И говна всякого левого (типа "холодка", которым сейчас весь Питер завален, и которым травануться неча делать) море, и доза выросла, и вообще — тяжко. И что делать? Кто-то — из умных — соскакивает. И выживает. Для них запускают в оборот различные клиники, Детоксы и прочих Маршаков — хочешь жить, плати лаве, и иди лечись, коль сам не можешь. Реклама. Антинаркотическая пропаганда, лекции, все дела. А кто-то из торчков, забив на все — продолжает торчать, с предсказуемым и закономерным исходом — кладбище. Что мы имеем? 65–70% людей, начинавших эксперимент на первой фазе уже гниют в земле. Благополучно завершили испытание... Осталось всего навсего 30, ну 40%? Ерунда.

Четвертая, финальная фаза. Это есть наш последний и решительный... Правительство во главе с гарантом всех свобод и конституций большим гаечным ключом закручивает гайки, до упора, почти до срыва резьбы. Раньше по 224 (новый кодекс 228) наркушник словленный по четвертой части (торговля) ловил года 4–5, и то , если не повезет, а теперь — по максимуму, независимо от части, предыдущих судимостей и характеристик с места работы. Взяли с чеком на кармане — получи пятерик, и на этап. Работает конвеер. Всех барыг, о которых известно, гребут под мелкую гребенку, и срок за торговлю начисляют недружно, от всех щедрот. Минимум 8, максимум 15. Деньги брать у барыг, покрывать их — себе дороже — инспекция по личному составу не дремлет... Полная жопа. Ночь хрустальных ножей, не иначе. И что получается? К началу двадцать первого века 70 процентов торчков кинулось, 25 процентов сидит, барыг почти не осталось, спрос сходит к минимуму. Осталось процентов несколько — пробитых, тертых, ушлых и опытных торчков — ну и хер с ними, либо потом отловим, либо сами сдохнут. Все равно они особо не дергаются, не суетятся, и не мешают... Чистка прошла. Бурные продолжительные аплодисменты, овации...